

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

Леонид Первомайский

ОГНИ НА КАРПАТАХ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
МОСКВА — 1945

Цена 25 коп.

К ЧИТАТЕЛЯМ

**Издательство просит присылать отзывы
на эту книгу по адресу:
Москва. Орликов пер., 3,
Воениздат**

V.N. Karazin Kharkiv National University

00710768

5

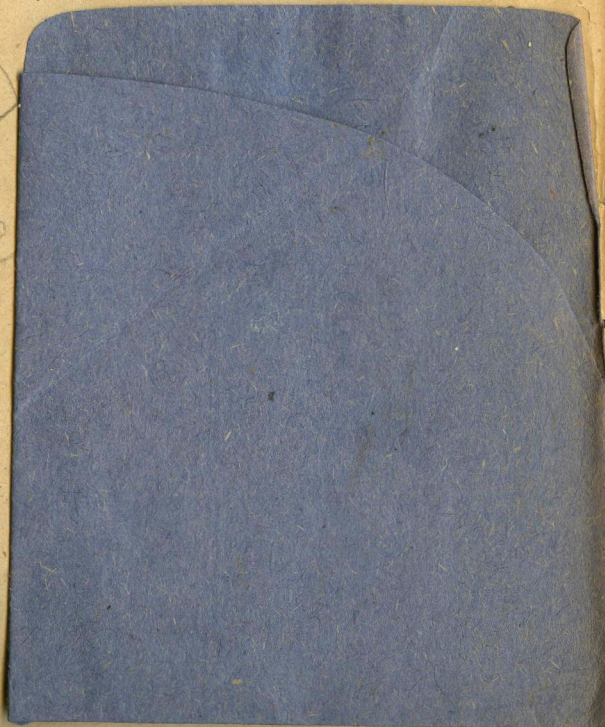
Леонид Первомайский — ОГНИ НА КАРПАТАХ

Перевод с украинского

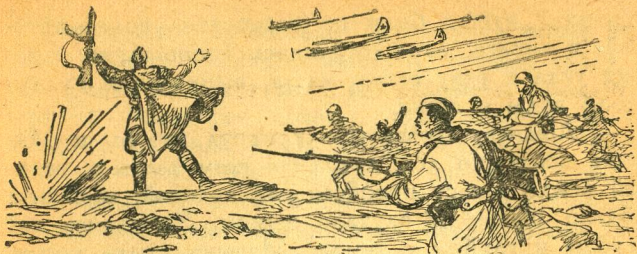
32B9

1) 8(сн)

2) Тие

АТАКА НА ВОРСКЛЕ

ПРОВЕРЕНО
ДНБ 1945

Река текла по яркозеленому лугу меж двумя рядами холмов, извиваясь узенькой полоской мутноголубого стекла. По берегам заросла она камышами и прохладными водяными растениями — жабуром, бодягой и ряской.

Ворскла, Ворскла! Как тихо и ласково плывут чистые твои воды, отражая в зеркальной глади своей небесную лазурь и утренние облака, тёмные, неподвижные дымки шрапнельных разрывов и поднявшиеся к небу серо-багровые косматые дымы пожаров.

Сержант Василий Музыка смотрел на реку. Два села пылали справа на высоких холмах. Поля несжатого почерневшего жита, длинные полосы яркозелёных подсолнухов и кудрявой желтеющей кукурузы тянулись влево и сливались с зарослями отцветающего донника, белой каши и алого татарника. Откуда-то из-за подсолнухов

1 Зак. 1006

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВА

БИБЛИОТЕКА

Изд. №

2491/2

1

58

Немецкие пушки били по переправе, возле которой, в овраге, сосредоточились наши танки. Снаряд упал в реку около моста, выбросив в воздух столб воды и песка.

— Ложись, сержант! — крикнул кто-то, и Музыка послушно лёг, прильнув всем телом к горячей земле. Свист пронёсся над головой, сержанта обдало пылью и окутало дымом. Зарываясь всё глубже и глубже в землю, Музыка думал теперь об одном, — до Украины было рукой подать. То, что видел он не своё село — его Переволочна была далеко отсюда, — не имело значения для Василия Музыки.

Он стал солдатом в дни величайшей войны, каждый день которой должен быть зачтён солдату за год. Потеряв Украину, он научился думать о родине всегда, любить её всю, от края и до края, во всей её грозной красоте.

Василий Музыка возвращался на Украину, наученный тяжким опытом войны, и путь его лежал в огне сражений — от Волги к Дону и от Дона — дальше, к Днепру... Закрыв глаза, он видел широкое и плавное течение днепровских вод, видел Киев, Канев и Черкассы, стоящие на крутых зелёных холмах, видел свою Переволочну, где некогда погибли остатки шведского войска, разбитого Петром под Полтавой.

— Эй, Василий! — подполз к нему старшина Геронтий Чемяя. — Слышишь, Василий? Пантюхов своего брата родного встретил... Верно говорю!

Непрерывно громыхали орудия с обеих сторон, рвались снаряды, мины, в воздухе появлялись самолёты и гудели на разные голоса, так что, не поднимая головы, можно было знать, когда летит наш, когда немец. Музыка и Чемия лежали рядом и стреляли из винтовок в заречную кукурузу и подсолнухи. В перерывах между выстрелами они обменивались отрывистыми словами, из которых вставала история двух братьев Пантюховых — артиллериста Петра и пехотинца Григория, — солдатская быль, каких много случается на войне.

На рассвете Григорий Пантюхов вместе со своей ротой шёл мимо леса к ложбине, где сосредоточивались для атаки. На опушке леса стояла тяжёлая батарея; артиллеристы весело хлопотали у длинноствольных орудий. Кто-то свежим и приятным голосом кричал: «Огонь!», и сразу же из жерла пушки вырывались стрелы расплавленного, жидкого золота, вспыхивал клубок удушливого серого дыма и раздавался гулкий выстрел.

Григорию приятно было смотреть на весёлых пушкарей: он на минуту остановился в нескольких шагах от ближайшего орудия и сразу же увидел, как навстречу ему побежал, размахивая руками, рослый артиллерист. Ещё не различая лица бежавшего, он почувствовал в нём близкого человека и сам пошёл ему навстречу.

...Братья разомкнули объятия и молча глядели друг на друга. Собрались бойцы порадоваться

счастью товарищей и слышали грустный рассказ артиллериста Петра Пантюхова о том, как погибла жена Григория в сожжённой немцами курской деревеньке.

— А дети где? — сумрачно глядя куда-то мимо братнего лица, спросил Григорий.

— При моей бабе живут, — прокормятся...

Братья вдруг заторопились — один заспешил к орудию, другой — догонять свою роту.

— Ну, прощай, до встречи, — сказал Григорий, поправляя ремень винтовки. Он тяжело побужал за ротой, но, видно, какая-то мысль у него осталась невысказанной, — остановился и отыскал глазами Петра. Тот в это время уже подносил снаряд к орудию.

— Жги их до корня, Петя! Не давай им продоху за нашу кровь!

Хлопнул выстрел, и Григорий не расслышал, что ответил ему брат.

Слушая Геронтия и задавая ему вопросы, Василий Музыка чувствовал себя так, как будто речь шла о нём самом, хотя ни жены, ни детей у него не было.

Он закурил, так как наступила минута тишины среди непрекращавшегося боя. Как бы не желая нарушить этой удивительной тишины, Музыка и Чемя молчали, глядя вперед, на заречные высоты, на подсолнуховые и кукурузные поля и на догорающие деревни. Может быть, думали они о том, что и в этих деревнях кто-нибудь сгорел заживо, брошенный немцами в

огонь, оставив новых сирот на испепелённой земле. Может быть, иные мысли не давали успокоиться их сердцам, изведавшим скорбь и ненависть, жажду мщения и радость первых побед.

Геронтий Чемия ответил просто, как будто продолжал прерванный разговор, когда Музыка неожиданно спросил у него, на какой реке тот жил до войны.

— Наша река — Джоэква, с гор течёт... В Чёрное море впадает.

— Как наш Днепр, — заметил Музыка. — Большая?

— Маленькая, — ответил Чемия, задумчиво улыбаясь, — но злая, весёлая...

Музыка взглянул на товарища и подумал, что Чемия, должно быть, очень похож на свою реку, — такой же маленький, весёлый и злой; он кипел и бурлил, будто в нём прыгала с камня на камень беспокойная душа, стремящаяся к чему-то большому, как море.

Торжественный гул послышался в воздухе, он приближался и нарастал; бойцы подняли головы и увидели, как, вырвавшись из облаков, над заречными высотами, повисла стая наших штурмовиков и бомбардировщиков. Кто-то, лежавший в нескольких шагах от сержанта Музыки, громко считал их, сбивался со счёта и, наконец, удовлетворённо выругавшись, сказал:

— Та тут, мабуть, штук семьдесят, не меньше...

— Десяносто, а то и больше! — закричали бойцы вокруг, приподнимаясь над вырытыми на-

спех окопчиками.— Сейчас дадут жизни фрицу...
Давай, братки! Сыпь им за пазуху, орлы!

Геронтий Чемя схватил сержанта за руку и зашептал:

— Сейчас пойдут танки, а за ними наша очередь...

От грохота бомб застонала земля. Стена чёрного дыма и пыли поднялась к небу.

Танки уже громыхали на мосту, когда Музыка услышал знакомый голос командира роты. Лейтенант Сусайков стоял впереди, обернувшись лицом к бойцам. На его выгоревших от солнца бровях дрожали мелкие капельки пота. Размахивая автоматом, он кричал:

— Вставайте, сынки! За мной! Вперёд!

И хотя лейтенанту Сусайкову, командиру роты, было только двадцать лет, хотя многие бойцы в роте были вдвое старше его, но все они отозвались на его призыв, как на зов отца отзываются сыновья. Рота легко оторвалась от земли, почти нечувствительно преодолев самый тяжёлый миг атаки, когда нужно под пулями подняться во весь рост и сделать первый шаг навстречу победе или смерти. Бойцы побежали за командиром туда, где хмурилась и улыбалась Ворскла, вся в брызгах солнца, в белых пятнах отражённых облаков, в дыму и в огне.

Василий Музыка бежал перед своим отделением, недалеко от него скользил Геронтий Чемя со своим ручным пулемётом; впереди всех, обогнав лейтенанта Сусайкова, шел коренастый

сорокалетний Григорий Пантюхов; справа и слева бежали остальные — пыльные и усталые, но с удивительной лёгкостью в теле, с непреодолимым желанием кричать во всё горло от полноты чувств. Первым крикнул Василий Музыка, догоняя Григория Пантюхова на лугу, в двадцати шагах от берега:

— Эй, Григорий! Вперёд! Даешь Днепро!

Григорий на бегу посмотрел на сержанта и, не удивляясь, будто и вправду перед ним была днепровская вода, серьёзно и торжественно повторил:

— Даёшь Днепро!

Уже все подбежали к берегу и бросились в воду. С высоты били немецкие пулемёты, пули выхлёстывали маленькие столбики воды, будто поднятые хворостинкой играющего на реке пастишонка. Нужно было пройти четыре-пять шагов и залечь на берегу, нужно было сделать это как можно быстрее. Василий Музыка шёл уверенно сначала по колено, а потом по грудь в воде, шёл, подняв винтовку над головой и левой рукою поддерживая подсумок с патронами.

Он возвращался на родину. Он видел, как танки ворвались в село и давили немецкие пулемётные гнезда на высотах. В воздухе нёсся ликующий шум атаки, и тысячи голосов слева и справа, на лугу, на холмах и в деревне, повторяли, как торжественную клятву, его клич:

— Даёшь Днепро!

Пуля прошла сквозь мускул левой руки сержанта. Он почувствовал это не по боли, а от-

того, что рука отяжелела и бессильно опустилась в воду. Он увидел, как вода окрасилась его кровью, расплывающейся и уходящей вниз по течению, и смятённое его сердце забилося бурно и часто.

— Плыви, моя кровь, — глядя на воду, медленно и тихо сказал Василий Музыка. — Плыви, моя кровь, мимо славной Полтавы до далёкого Днепра..., а как примет тебя старый Днепр на свою грудь и понесёт мимо Хортицы к Чёрному морю, скажи тем дальним берегам — и городам, и сёлам, и людям, и травам на тех берегах, что Василий Музыка идёт вызволять их из тяжкой беды и что он уже близко...

Сержант Василий Музыка вышел из воды на берег и, хотя теперь ему трудно было раненой рукой поддерживать винтовку, побежал вперёд, догоняя Пантюхова и Чемию, которые взобрались уже на высоту. Сердце его билось радостно и привольно, ему казалось, что нет на земле человека, так полно и ярко изведавшего счастье, как он.

Август, 1943 г.

НА ДНЕПРЕ

Ночью, преследуя противника, вышли к берегу Днепра. Ещё издали, проходя сосновым лесом и песчаными буграми, на которых рос кустарник, называемый на Украине верболозом, почувствовали дыхание великой реки, как чувствуют в темноте дыхание близкого человека.

Низко шли облака. Тишина беззвёздной ночи нарушалась только позвякиванием оружия, стуком котелков и лопаток, шуршанием тяжёлых сапог на песке да сдержанным разговором бойцов. Продвигались не спеша, спокойно, с какой-то особой торжественностью.

Случается в жизни, что идёшь к любимому человеку из великого отдаления, которое могло быть воплощено и в вёрстах, и во времени, и в чувстве, — всей исстрадавшейся душой стремишься к нему и бесконечно думаешь о встрече, о тех словах, ласковых и нежных, которые необходимо.

нужно сказать... Но вот ты пришёл, и радость встречи так велика, что никакие слова не в силах выразить её, никакие слова не способны высказать того, что ты пережил и передумал в разлуке, и ты стоишь молча, и только глаза твои говорят за тебя: посмотри на меня, я долго шёл к тебе, но вот я пришёл...

Лейтенант Орлянка стоял в темноте на берегу Днепра. На душе у него было светло, как в праздник, несмотря на то, что вокруг была ночь, слышался унылый сумрачный плеск реки и однообразный шум ветра, вдруг взметнувшего береговой песок и засвистевшего в кустах верболоза.

Лодки отделились от берега и, бесшумно подталкиваемые баграми и вёслами, поплыли по реке. Вскоре они исчезли из виду, словно растаяли в темноте. Бойцы и офицеры, оставшиеся на берегу ждать своей очереди, лежали на сыром песке и, слушая мерный плеск речной волны, вглядывались в эту темноту, как будто старались угадать, чем она встретит их в следующую минуту. Вскоре лодки вернулись и увезли на правый берег новых людей, которые бережно погрузили с собой пулемёты и ящики с патронами, противотанковые ружья с боеприпасами, гранаты, миномёты и сухой паёк в больших бумажных мешках.

Переправа под боком у противника проходила гладко. Время и место для неё были выбраны очень удачно. Все чувствовали это и радовались

удаче, хотя, конечно, каждый знал, что в любую минуту переправа может быть обнаружена и тогда темнота озарится вспышками выстрелов и взрывов, а ласковые воды Днепра закипят, как адская смола. Понимал это и лейтенант Орлянка. Он ходил по берегу, в нетерпении ожидая своей очереди переправляться, — у него всё было наготове: и люди, и кабель на катушках, и всё прочее, необходимое для связи. Оставалось только получить приказ и действовать.

К рассвету над рекой поднялся густой туман. Правый берег не был виден за ним, да и здесь, на левом берегу, люди двигались, словно серые тени. На плотях через реку пошли лёгкие пушки. Орлянка знал, что теперь уже скоро переправляться и ему, и чувствовал себя хорошо и уверенно — в тумане он надеялся переправиться без потерь. Но как раз в то время, когда командующий переправой полковник приказал ему грузиться в лодки, на правом берегу закипела перестрелка — это переправившийся батальон капитана Безруких вступил в соприкосновение с немцами.

«Ну, теперь началось! — подумал Орлянка, шагая по берегу к своим связистам. — Теперь хлебнём...»

Прежде чем он успел передать приказание бойцам, начался обстрел реки и берега. Кое-где послышались крики и стоны раненых.

Люди его были в сборе, катушки с кабелем лежали на песке, зелёные коробки полевых теле-

Фонов стояли тут же. Линия связи уже была подтянута к самому берегу, теперь оставалось тянуть её дальше, сидя в лодке и разматывая кабель с катушки... Всё это было бы делом простым, но грузить кабель в лодки приходилось под огнём немецких батарей, а плыть предстояло по реке, в которую то и дело шлёпались снаряды и мины.

Орлянку, когда-то работавший монтёром на линии, вспомнил, как, бывало, прицепив на ноги «когти» и толстым ремнем припоясав себя к столбу, он взбирался к гудящим проводам, орудовал плоскогубцами у фарфоровых звенящих чашек, чувствовал на своём лице ласковое дыхание ветра и орал во всё горло любимые песни, глядя на бесконечную украинскую степь, на пыльную ленту дороги, на машины, пролетавшие под его ногами, на белые платки и яркие кофты колхозниц, работавших в поле... И сейчас, хоть берег весь, словно оспинами, был изрыт снарядами и минами, хоть всё это не было похоже на картину, вспомнившуюся ему, старое чувство полноты существования и потребность энергично действовать овладели лейтенантом Орлянко. Он приказал грузиться в лодки и, пока его люди хлопотали у катушек и прочего имущества, снова оглядел берег, как бы соображая, что ещё нужно захватить с собой.

«Кабель-то нужно опускать на дно, иначе его сносить будет,— вдруг вспомнил Орлянку, и ему стало ещё лучше и радостнее на душе оттого, что

он не забыл этого важного обстоятельства. — А грузил мы не заготовили... Всё немец виноват, будь он проклят, — слишком быстро утекал!»

Ветер посвежел, и облака, и туман над Днепром как-то сразу начали редеть и рассеиваться. В некоторых местах река уже улыбалась раздумчиво, сияя какой-то особенной чистотой. В воду, недалеко от берега, шлёпнулись один за другим три снаряда. Над головой лейтенанта прошеле-стели осколки и упали в песок.

— Будут хорошие грузила из осколков! — улыбнулся Орлянко, радуясь одновременно и тому, что снаряды не заделали никого из его людей, и тому, что он так легко нашёл выход из положения. Когда он объяснил старшине Нехорошеву, что нужно делать, тот сначала не понял, а затем расхохотался во всё горло. Нехорошев вместе с развеселившимися бойцами бросился собирать осколки, во множестве валявшиеся на береговом песке. Скоро они собрали их сколько нужно и погрузили в лодки.

— Готово? — крикнул Орлянко, в последний раз оглядывая берег. — Отчаливай!

Он прыгнул в лодку. Нехорошев оттолкнул её от берега и вскочил вслед за ним. Бойцы налегли на вёсла, и лодки стали медленно выходить на днепровский простор.

Лодку, в которой сидел лейтенант Орлянко, сносило, и бойцы, сидевшие на вёслах, всё время забирали против течения. Двигались медленно, кабель раскручивался с катушки и погружался в

воду, увлекаемый на дно грузилами, сделанными из того железа, которым враг хотел убить сидевших в лодке людей. Днепр был здесь широк и приволен, кручи правого берега открывались вдаль, по-осеннему пышные и яркие, и, как ни старались гребцы, приближались они медленно, точно всё это было во сне, где все движения замедлены, а потому особенно памяты.

С правого берега, укрытая где-то в складках высот, непрерывно стреляла артиллерия. Снаряды пролетали над лодками, но к их гудению и свисту относились с привычным спокойствием. Ясно было, что это не прицельный огонь.

И, может быть, именно то, что каждый сознавал опасность и риск предприятия, чувствовал важность того, что именно ему пришлось тянуть первый кабель на правый берег Днепра, укрепляло приподнятое и торжественное настроение, которое вылилось, наконец, в песне.

Кажется, начал петь ефрейтор Дробот, человек, у которого на всякий случай жизни было острое слово и песня, а может быть, и не он, а угрюмый пожилой Василенко, от которого песенник никогда не ожидал. Песня была о бушующем ночном Днепре, горами поднимающем волны, о ветре, пригибающем к земле высокие вербы, и о месяце, который ныряет в косматых тучах, словно челнок в синем море... Пели все — те, кто знали песню, и те, кто не знали её. Пели украинцы, сибиряки и кавказцы, от полноты души приветствуя песней вольный днепроvский

простор, заветные правобережные кручи и прояснившееся небо над ними. И лейтенант Орлянка пел вместе со своими людьми, и хотя он был плохим певцом, но ему казалось, что он поёт красиво, потому что у него пела душа. Лейтенант Орлянка родился и вырос на Днестре, всё здесь было ему знакомо и привычно. Но сегодня, после разлуки, длившейся более двух лет, он особенно обострённо чувствовал красоту родной реки, словно видел её впервые, словно возникла она из каких-то давнишних снов и сказочных воспоминаний.

Увлечённые песней, они не заметили, как над рекой появились немецкие бомбардировщики — всего их было двенадцать — они летели низко, распластав тяжёлые крылья и ожесточённо гудя моторами. Зенитки с левого берега открыли по ним огонь, но немцы упрямо летели к цели — они бомбили каждую машину на подступах к Днестру и каждую лодку, появлявшуюся на реке.

Нужно было плыть и разматывать кабель, и лейтенант Орлянка отдал такое приказание, хотя в этом не было нужды, — попрежнему бойцы поднимали и опускали вёсла, попрежнему разматывалась катушка и Нехорошев ловко прицеплял грузила к кабелю, быстро уходившему на дно. Самолёты развернулись над рекой, выстроились в боевой порядок, и, прежде чем люди успели подумать о чём-либо, послышался вой бомб, оглушительный грохот разрывов, взметнулись огромные столбы воды, лодки сильно качнуло,

а людей обдало брызгами воды и толкнуло движущейся стеной горячего воздуха. Бомбы упали далеко, никто не был ранен, но это было только начало. Уже новый самолёт нависал над лодками, уже слышался вой новых бомб, и лейтенант Орляно хорошо понимал, что какая-нибудь бомба угодит всё-таки в лодку или осколками пробьёт её и пустит ко дну вместе с кабелем и людьми, и тогда вся их работа пропадёт и новым людям придётся делать её сначала.

— Выручай катушки, если что... — успел крикнуть Орляно, и в ту же минуту услышал адский гром. Его захлестнуло водой, перевернуло и потащило на дно, но он, напрягая все силы, толкнул головой воду и вынырнул.

Только четверо, тяжело противоборствуя взбушевавшейся волне, плыли недалеко от него — запевала Дробот, угрюмый Василенко, усатый сибиряк Нехорошев и молоденький кавказец Гатуев. Они плыли парами, держа между собой катушки с кабелем. Кабель разматывался, но грузил уже не было, его сносило течением, и это ещё больше затрудняло работу пловцов. Орляно подплыл к Нехорошеву и Гатуеву во-время — кабель на катушке окончился. Все теперь понимали друг друга с полуслова. Гатуев, держа конец кабеля в зубах, отдыхал, лёжа на спине. Нехорошев поплыл к Дроботу и Василенко, удерживавшим на воде тяжёлую катушку с новым кабелем. Втроём они добрались к Гатуеву и Орляно. Лейтенант стал наращивать кабель. Это стоило больших

усилий, тем более что с самолётов заметили их и стали обстреливать из пулемётов... Гатуев был ранен в правое плечо, кровь его окрасила днепровскую воду. Товарищи помогали ему, они плыли к правому берегу, придерживая катушку и раненого, выбиваясь из сил, коченея в холодной воде, но надежда не оставляла их.

Гатуев вдруг сказал угрюмому Василенко, молча тащившему его к берегу:

— Сними с меня аппарат, Василенко... Вместе мы не доплывем.

Василенко снял через голову Гатуева лямку полевого телефона и надел на себя.

В это время Орлянку ранило. Он почувствовал тяжесть во всём теле и, прежде чем связисты успели помочь ему, ушёл под воду. Он понимал, что тонет, глаза его были открыты — он видел солнечный свет, падавший на дно реки сквозь зеленовато-жёлтую воду, но не мог сделать движения, не мог сопротивляться силе, тянувшей его на дно, к смерти.

Очнулся Орлянка на берегу. Он увидел над собой раскрасневшееся усатое лицо Нехорошева, державшего его за руки. Угрюмый Василенко больно нажимал ему на живот. Затем они подхватили его, как ребёнка, перевернули лицом вниз и подняли так, что голова лейтенанта свесилась. Он почувствовал облегчение и вскоре уже лежал на песке, головой к телефонному аппарату, у которого возился мокрый ефрейтор Дробот.

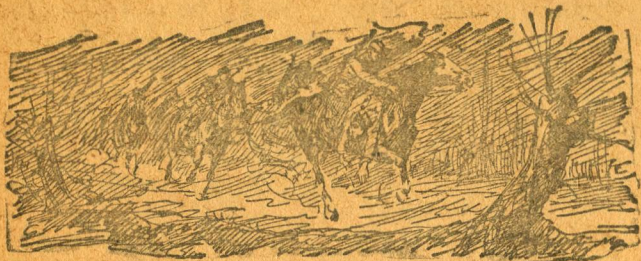

Стояла тишина. Над собой Орлянку видел чистое небо, на кручах свистели птицы, широкая полоса реки лежала перед ним, а возле него, похожий на длинного оливкового ужа, уходил в воду кабель, который они протянули сюда.

Орлянку посмотрел на своих связистов и увидел, что Нехорошев и Василенко в эту минуту тоже смотрели на кабель. Вероятно, они думали о том же, о чём думал он. Лейтенант хотел что-то сказать им, но боялся нарушить молчание... В это время над ним раздался голос ефрейтора Дробота, дувшего в трубку и яростно отплёвывавшего песок, навязший на зубах:

— Гаркуша, та какого ты чорта! Я ж забыл позывного... Тут такого у нас было. Это я, Афанасий Дробот... Докладай по вышестоящих начальствах, что кабеля перетягнули... Видишь? А где ж ты взял бинокля? От ловко, матери твоей заковыка... Ну, ты скажи мне, как тебя звать? Меркурий? Дал бы ты мне закурить, Меркурий, а то у нас спички раскисли, а курить хочется, аж уха пухнут...

Октябрь, 1943 г.

ПОД СТАРЫМ ГОРОДОМ

Старый город стоит на горе.

Был он свидетелем многих битв и походов, под стенами его сталкивались армии. Борьба длилась века, и немало славных повестей рассказывают древние стены городского замка о подвигах вольных казаков, об осадах и штурмах, о верности и чести, о горячей казацкой любви.

Закроешь глаза, прислушаешься к шуму ночной перестрелки, и кажется тебе, что шумит-волнуется казацкий табор, скрипят телеги, всхрапывают задремавшие кони и где-то далеко гудят войсковые тулумбасы.

Ухнет ночью пушка, и в воздухе, словно большая птица, пролетит снаряд. Тишина воцарится на несколько мгновений, затем снова вскипит в разных местах перестрелка и свист пуль зазвучит пронзительно и резко.

А ночь черна, словно весь мир заволокла беспросветная хмара, и смешанный с грязью снег тоже чёрен, и дорога черным-черна — не видно человека в двух шагах. Кто разберёт в такую ночь — свой или чужой месит уличную грязь, пробираясь от хаты к хате в полуразрушенной деревне, спотыкаясь и бормоча проклятия.

— Стой! Кто идет?

— Порфирий Туренок, командир второго эскадрона... Не узнал?

— В такую ночь родную жену с кочергой спутаешь! Полковник дожидается, второй раз спрашивал давеча...

Приоткрылась дверь, полоса жидкого света легла на порог, и командир эскадрона нырнул в хату.

— Вот что, Туренок, — сказал полковник, темнолицый, коротко остриженный, похожий на Остапа Бульбу. — Должен ты, Туренок, большое дело сделать... Согласен?

— Смотря что, товарищ полковник, — смущаясь и краснея, забормотал Туренок, в душе польщённый и обрадованный тем, что ему собираются поручить большое дело. — Может, я для такого дела не гожусь?..

Полковник не расслышал его слов или не захотел обратить на них внимания. Он стоял, опершись обеими руками о стол, на котором, словно большая скатерть странного узора, расстелена была карта.

— Видишь, Туренок, эти две дороги? Это всё, что есть у немцев, все остальные уже в наших руках. Надо бы пробраться туда да захва-

тить контрольного пленного чином повыше. Можно это?

— Отчего же нельзя? По этим дорогам у немца много людей ходит, особенно по ночному времени,— ответил Туренок и, подумав немного, добавил: — Только там накрыться легко... Наша артиллерия бьёт по тем дорогам — своим снарядам голову сорвёт. Если бы сказать артиллеристам, чтобы огонь перенесли на одну дорогу, тогда куда способней будет...

Полковник с этим согласился. Он с заметным удовольствием смотрел на молодое обветренное лицо эскадронного командира и, хотя всё уже было сказано, не отпускал его, потому что ему было приятно видеть энергичные глаза Туренка, и румянец, заливавший его щёки, и нежные маленькие усики, которые молодой эскадронный то и дело трогал огрубелой рукой.

— Есть у меня старичок один,— нарушил молчание Туренок,— разрешите взять проводником. Он места здешние знает и на немца в обиде.

— Не подведёт? — вздохнул полковник, сожалея, что всё-таки придётся отпустить Туренка.

— Никак нет, старик верный — отвечаю головой.

— Ладно, действуй.

Туренок отковырял, вышел в сени и, пройдя мимо автоматчика, нырнул в ночную тьму, пронизанную хлестким, колючим ветром.

Через полчаса тридцать отборнейших конников стояли, подпирая шапками потолок, в тесной комнате перед столом Порфирия Туренка, командира

второго эскадрона. Бессознательно копируя позу полковника, он говорил своим конникам, опершись о стол руками:

— Дело будет отчаянное. Ясно-понятно? Поведу вас я и вот этот старик, по имени-отчеству Тимофей Иванович, ему приказываю полностью доверяться — он с прошлой войны четыре георгиев домой принёс, хотя служил в пехоте. Ясно?

Огонь парафиновой плошки, полыхавшей на столе, стал тускнеть от дыхания людей. Все смотрели на маленького худенького старика с огромной белой бородой, сидевшего на лавке под образами. Старик смущённо теревил пожелтевший пышный ус и иногда испуганно поглядывал на печь, где, подперев ладонью щеку, сидела босая старуха.

— Эх, ему бы, старику этому, мертвяков до ветру водить, а не в такое дело ездить, — шумно вздохнул один конник, а другие прыснули и сразу же умолакли, услышав недовольный окрик командира:

— Ну, довольно, пошумели — и до коней!

Конники, топоча сапогами и бреча саблями, двинулись из хаты.

— А ты, Костырин, — остановил Туренок конника, посмеявшегося над стариком, — принеси Тимофею Ивановичу добрую саблю и карабин, да поживее...

Костырин понял, что это ему в наказание, козырнул по форме и вышел. Когда он скрылся за дверью, старуха, сидевшая на печи, легко спрыгнула на земляной пол и, не глядя на Туренка, будто его здесь не было, подошла к старику.

— Та куда ты это, старый дурню, собрался? На смех чи що? Тю! Та люди ж с тебя смеются, я над тобой, тьху, смеюся. И немец тебя на коне завидит — от смеха лопнет. Пыль с него сыплется, а он снова в войну встрял...

Тимофей Иванович испуганно посмотрел на старуху, замигал глазами, словно собирался чихнуть... Туренок уже начал бояться, что свирепая бабка отберёт у него проводника, как вдруг тот грохнул маленьким кулачком по столу так, что подскочила плошка, и закричал тонким грозным голосом:

— На печь, бабо! Не твоего разуму дело!

Старуха хотела что-то ответить, и по всему видно было, что тут старику не сдобровать бы, но в это время Костырин принёс оружие, и Тимофей Иванович схватился за саблю так решительно, что бабку как ветром сдуло. Тимофей Иванович победно взглянул на Туренка, быстро надел тулуп, навесил оружие и, снимая с гвоздя шапку, сказал:

— Готов, сынку.

Они вышли из хаты. Старуха закричала им вслед:

— Чтoб под тобою коня убило, как ты с меня всю жизнь кровь пьешь, пехтура несчастная!

Но старик и командир эскадрона уже не слышали этого. Им подвели лошадей, эскадронный поддержал стремя проводнику, затем сам вскочил в седло и подал команду. Ехали молча, не курили — на то был особый приказ. Вскоре Тимофей Иванович, ехавший впереди, свернул с дороги и повёл конников вдоль тёмных раки́т, больно хлещ-

ставших по лицам мокрыми холодными прутьями. Затем дорога круто пошла вниз, по сторонам выросли мрачные холмы, и вскоре глубокий овраг поглотил всадников, словно они провалились под землю. Небо накрыло их непроницаемым покровом. Теперь шли по-одному, едва различая в темноте спину переднего всадника. Изредка фыркали кони или, прикрывая ладонью рот, простуженно кашлял человек.

Эх, ночь тёмная, непроглядная ночь! Сколько дел и дум таишь ты под чёрным своим покровом, какие замыслы созревают в удалых головах в часы, когда, кажется, вся жизнь на земле замирает и останавливается, — к каким славным подвигам приготавливаются едущие по дну балки всадники, о чём думают они, что и кого вспоминают, объятые тьмою и печалью этой ночи, верные люди, буйные головы, горячие сердца!

Об отце ли с матерью или о далёкой любимой думает конник, едущий в ночное дело? Вспоминается ли ему родной дом или огонёк давнего привала, где чей-то тихий взгляд или ласково сказанное дивчиной слово запали ему в душу? О многом думает конник, мерно покачиваясь в седле долгим ночным переходом, только о думах своих ночных говорить он не любит.

И Порфирий Туренок, молодой командир эскадрона, ехал за проводником впереди своих бойцов, объятый смутной ночной думой, и темнота, окружавшая его, и ветер, взбадривавший тело, были приятны ему. А особенно приятна была

командиру эскадрона мысль о том, что едет он на большое дело к тому старинному городу, о котором читал ещё в детстве.

Думалось ему, что едет он той давней тропкою, по которой проходили его славные пращуры — вольные казаки, — стекаясь со всех концов Украины к укреплённому замку, чтобы стать здесь табором, встретиться с врагом в грозной сече и победить его силою беспримерной храбрости, великим мужеством и самоотвержением. Старый город на горе со своими кривыми улочками и высоким замком, невидимый сейчас в ночном сумраке, вставал перед его взором, и в тишине, которую сейчас не нарушали ни выстрелы, ни ржание коней, ни человеческие голоса, слышал он уже величественную музыку завтрашней битвы...

Вдруг Тимофей Иванович, ехавший впереди Туренка, остановился, кони, оседая, стали теснить задних, и Туренок отдал команду спешиться и вести коней в поводу. Теперь тропа шла через болото, поросшее высокими, густыми камышами. Кони осторожно ступали с кочки на кочку, тонкий нетронутый ледок хрустел под копытами и под ногами людей, как ломкое стекло. Командир эскадрона, ведя своего коня в поводу, чувствовал его тёплое дыхание, иногда конь оступался и тяжело вздыхал, как человек, уставший от трудностей пути, но сознающий всю необходимость двигаться дальше и притти к назначенному месту в назначенное время.

Артиллерия, всё время бившая по немецким

дорогам, уже давно умолкла, теперь полковник, наверное, сидит в штабе над картой и дожидается результатов ночной вылазки; видно, у него задумана немаловажная операция, и от него, Порфирия Туренка, зависит, будет ли полковник располагать нужными данными о неприятеле. Дело трудное, но Порфирий Туренок в лепёшку разобьётся, а приказ выполнит, не такой он человек, чтобы останавливаться на полдороге!..

Туренок, осторожно ступая сторонкой, обогнал переднего коня и поравнялся с проводником.

— Далеко ещё?

Тимофей Иванович шагал по кочкам впереди своего коня, безошибочно выбирая дорогу в темноте.

— Ты думаешь, я её боюсь, — вдруг, не отвечая на вопрос Туренка, заговорил проводник, и молодой командир эскадрона не сразу понял, что старик говорит о своей старухе. — Я и самого чорта не боюсь, не то что какой-то там бабы... Ну, только выпила она у меня крови за сорок лет, может, не меньше сорокаведерной бочки, а отдыха было мне только того, что четыре года на германской войне...

— А что, — усмехаясь про себя, спросил Туренок, — грызет?

— Та что там грызет, — остановился внезапно Тимофей Иванович и схватил Туренка за руку. — Пилит, вроде поперечной пилою!..

Они стояли уже на твердой земле. Проводник нашаривал рукой стремя и, тяжело сядя в седло, сказал:

— Он видишь те вербы — там уже и сошл.

Сколько ни силился Туренок что-нибудь увидеть, как ни напрягал он зрение — впереди была только угольно-чёрная прорва. Он позавидовал глазам старика и отдал команду садиться на коней. Вскоре окончился луг, неожиданно перед глазами встали жуткие скелеты безлистных подрезанных раkit, и в ту же минуту копыта передних лошадей застучали о камень шоссе.

И сразу же новое чувство возникло в душе Порфирия Туренка. Дремотно-мечтательное состояние, сопутствовавшее ему все время перехода по оврагам и болоту, мгновенно сменилось тем счастливым возбуждением, которое всякий раз появлялось у него в минуты опасности. Он был не один, за ним шло тридцать лучших бойцов его эскадрона, все молодые, как на подбор, один в одного; рядом с ним, толкая его стремянем, ехал бесстрашный проводник, не боявшийся ничего на свете, кроме своей старухи; и судьба их всех, и исход дела зависели теперь в значительной мере от храбрости, рассудительности и выдержки Туренка.

Мерно постукивали копыта лошадей, тьма, как будто, стала реже, или, может быть, это казалось потому, что в стороне от шоссе лежал нетронутый снег и дорога выделялась тёмной полосой на белом. Туренок заметил в пятидесяти метрах от себя колонну автомашин, съехавших на обочину. В их положении был только один выход. Повернувшись на седле к своим конникам,

командир эскадрона вполголоса подал команду, передние бойцы передали её задним, и, придерживая лошадей, всадники очень медленно проехали мимо тяжёлых грузовиков, возле которых возились немецкие водители и стояла вооружённая охрана. Когда грузовики остались позади, пошли рысью, и вскоре началось то, ради чего и была предпринята ночная вылазка.

Часовые возникли из темноты и схватили под уздцы лошадей. Не подавая голоса в ответ на встревоженные крики немцев, командир эскадрона и проводник разом выхватили клинки и рубанули сплеча. Конники оттащили убитых в кювет. Впереди уже белели первые городские дома. Здесь спешились. Пять бойцов остались с лошадьми, остальных Туренок повёл в город.

Осторожно продвигаясь вдоль домов, Туренок оступился и, падая, обнаружил канавку, по дну которой проложен был толстый пучок проводов. Следуя за проводами, подошли к домику, стоявшему в глубине какого-то тёмного двора, оттуда доносился стрекот телеграфных аппаратов. Часовые не успели выстрелить. Бойцы оцепили двор и улицу. Туренок с Тимофеем Ивановичем, у которого борода от возбуждения сбилась набок, ворвались в помещение узла связи. За ними вбежал Костырин, всё ещё мрачный после давешних попреков. Он остановился у дверей, подняв руки с зажатыми в них гранатами. Телеграфисты вытаращили на них глаза и застыли с поднятыми руками. Тимофей Иванович аккуратно разбивал

прикладом аппараты и рубил шашкой провода. Туренок подбирал листы телеграмм и распахивал по карманам кружки контрольных лент.

Это была большая удача, стоившая, может быть, больше, чем живой пленный, но Туренок не мог отказаться от мысли захватить в плен немца «чином повыше» — таков был приказ полковника, а он привык исполнять приказы с предельной точностью.

На улице прозвучали выстрелы. Туренок и Тимофей Иванович выбежали во двор и прислушались. Паническая стрельба перекатами и беспорядочными хлопками слышалась по всей окраине, в центре города блеснули ракеты...

Туренок крепко сжал рукой плечо своего проводника. Нельзя было ни минуты больше мешкать. Чего там задерживается у телеграфистов Костырин?

Первые минуты паники представляют все преимущества для нападающей стороны, но уже в следующие мгновения создаётся ряд непредвиденных опасностей, так как почти никогда не удаётся предугадать, что будет делать, куда метнётся охваченный приступом паники противник.

За спиной с грохотом взорвались одна за другой две гранаты, зазвенели стекла, и в ту же минуту выбежал Костырин.

— Готово! Полный порядок!

Они побежали, не теряя друг друга из виду.

— Славно действуют хлопцы, славно! — бормотал Туренок, перепрыгивая через канавы, и

вдруг почувствовал, что со всего размаху налетел на столб. Он крепко выругался и к удивлению своему услышал ответную брань — это был не столб, а живой жилистый немец, он стоял посреди улицы, держа в руках телефонную трубку с болтающимся обрывком шнура, и выкрикивал какие-то бессвязные слова.

— Ко мне! Ко мне! — закричал Туренок, бросаясь на немца. Подскочил Костырин, Тимофей Иванович подкатился немцу под ноги, его свалили, связали и поволокли втроём.

На рассвете отряд Туренка в полном составе, без потерь, имея пленного обер-лейтенанта, шагом въезжал в село. Когда подъехали к хате Тимофея Ивановича, старик придержал коня и стал слезать с седла.

— погоди, — сказал ему Туренок, — зайдём к полковнику, тебе определённо благодарность будет...

Старик поскрёб пятернёй за ухом и, косясь на тусклые стекла своей хаты, негромко ответил:

— У меня, сынку, свой полковник в хате сидит...

Утренний туман рассеялся — дохнуло свежим ветерком. Туренок посмотрел на восток, откуда выкатывалось жёлтое солнце, затем на запад — там явственно вставали на горе стены и башни старого города.

— Будешь наш! — молвил Туренок и, не сгоняя с усталого лица улыбки, медленно, шагом подъехал к хате полковника.

Февраль, 1944 г.

ЗАСАДА

Солдатский сон хоть не долог, зато сладок. Засыпает солдат мгновенно и сны видит больше домашние. Поспал, как в отпуску бывал: де-тишек и жену повидал, теперь и дальше воевать можно.

Были у нас тяжёлые времена. Многое пере-жил в те дни наш солдат, но бодрости не терял, верил в победу.

— Погоди! — говорил солдат, лёжа за гру-дой развалин на берегу Волги. — Погоди, мы на твоей земле походим.

Все тяготы сносил наш боец, не знал ни сна, ни отдыха, ждал своего времени... Как же может быть долог солдатский сон сейчас, когда время пришло?

Исполняются вещиe сроки. Сердце торопит солдата вперёд. Поспал вполглаза, отдохнул чу-ток — и в путь. Победа не сидит у костра на

привале, она любит труд на полях сражений, на рассветных дорогах и ночных переправах, к победе идут, не жалея ног.

Вот почему капитан Сергеев не чувствовал никаких угрызений совести, когда отдавал приказ будить свою роту, хотя знал, что его люди спали всего два часа с небольшим, и это после трудного боевого дня и большого перехода. Сам он отдыхал и того меньше, потому что у него, как всегда, было много забот.

Время близилось к полночи, люди выходили из хат, поёживались от холода, переговаривались вполголоса, сновали взад и вперёд между плетнями и постройками. В темноте происходила та кажущаяся неразбериха, которая на самом деле является высшим порядком, когда каждый делает известное, заранее определённое ему дело и спешит к известному, заранее определённому для него месту. Вскоре рота выстроилась. Капитан коротко объяснил задачу. Говорил он едва слышно, но тишина вокруг была такая, что каждое его слово слышали все. И то ли от этой тишины близящегося к полночи времени, то ли оттого, с каким вниманием слушали его люди, у капитана Сергеева было светло на душе. Он чувствовал великую близость к стоявшим перед ним людям, с которыми уже много дорог было пройдено и с которыми ему предстояло разделить этой ночью трудности ещё одного похода.

Полк стоял вплотную перед городком, в котором ещё держались немцы. Задача полка со-

стояла не только в том, чтобы выбить немцев из города, но и в том, чтобы отрезать пути отступления, не дать немцам уйти и помешать уничтожению красивого городка, уже много раз страдавшего от военных потрясений за последние три десятилетия.

Из городка на юго-запад и юг расходились шоссейные дороги, в треугольнике между ними лежали разбухшие весенние поля, километрах в двенадцати обе дороги упирались в лес. В этом лесу и нужно было засесть и встретить немцев, когда они попытаются уходить. В том, что они будут уходить, никакого сомнения не было: действия других рот и батальонов, продуманные и согласованные, заставят их это сделать.

Рота вышла из села и зашагала по просёлку. Было слышно только, как месят сапоги бойцов дорожную грязь да изредка хлюпает вода в размытой колее.

Сергеев шёл с первым взводом, рядом с ним шагали его ординарец лихой автоматчик Никита Беседин и командир отделения сержант Лихолай, коренастый, неутомимый полтавчанин, говоривший о себе всегда в третьем лице. Командир роты молчал, а Лихолай и Беседин безумолку говорили вполголоса о всякой всячине. Беседин иногда посмеивался, чувствовалось, что только обстановка ночного марша не позволяет ему расхохотаться во всё горло.

— Ты, Беседа, ещё двух пар портянок на войне не сносил, а Лихолай от Перемышля до

Сталинграда моцион сделал, чуешь, на обратную дорогу силу сберег. А чего так? От того, что Лихолай всё делает по совести — когда надо лёг, когда надо встал. От он и жив-здоров, Беседа.

— Ну-у, — протянул Беседин насмешливо, — загибаешь... Не на курорте же! Тут иной раз и две ночи не ложишься...

— Та разве ж Лихолай с тобою про курорты? В атаку бежать — вставай, бомба воеет, чи пулемет стогнет — лягай... Будь здоров, тогда немец тебя не колупнет!

— Что же ты так бережёшь себя? Так беречь себя — до конца века войну не изведём...

— Лихолай немцу не мишень на стрельбище, чуешь? Поставили её торчком, она и стоит. На юге уже до Румынии наши добрались, нам до границы, может, два перехода осталось... Охота тебе в такой час под дурную пулю попасть?

— Да они все одинаковые, пули эти, — ответил Беседин, — а кланяться им я не обучался, смерти не перехитришь... Правда ведь?

Хотя Беседин ни к кому собственно не обращался, шагавший с ним командир роты понял по тону, что ординарец обращается к нему. Лихолай тоже умолк, ожидая ответа. Был он смел до самозабвения, и командир роты мог свидетельствовать, что Лихолай не ради спасения жизни бережёт себя, а действительно ради разговора с врагом на земле врага, ради того справедливого и неотвратимого возмездия, дума о котором почти три года томит солдата.

— Вы, Беседин, иногда, действительно, без толку под пули суётесь, — помолчав и подумав, сказал капитан. — Долг солдата состоит в том, чтобы жить для победы. У нас с немцами счёты не кончены.

— Так и я ж про это, — восторженно громко зашептал Лихолай. — А Беседа не понимает, бо думает, что храбрый...

— Да я что же? Что верно, то верно, — примирительно забормотал Беседин. Он, кажется, хотел ещё что-то сказать, да в это время впереди послышался шум, тяжёлый всплеск воды и невнятные голоса.

— Ну-ка, сбегайте, разузнайте, в чём там дело, — приказал ему командир роты.

Выяснилось, что рота, давно уже свернувшая с дороги и шедшая теперь напрямик по топкому лугу, в темноте подошла к оврагу. Один из бойцов, шедший впереди, покатился по крутому спуску и упал в ручей. Бойца вытащили из ручья, дали чарку водки и двинулись дальше. Освещая тусклым фонариком карту и справляясь по компасу, Сергеев вывел свою роту ко второму оврагу, который тянулся почти рядом с южной дорогой и давал возможность скрытно войти в самый лес. Цель перехода была достигнута. Рота оседлала южную дорогу, без выстрела сняв небольшой немецкий пост, дремавший на опушке.

Уже светало. Ветер донёс отголоски ружейной и пулемётной стрельбы. Сергеев знал, что городок будут штурмовать без предварительной огне-

вой подготовки. Он не сомневался в исходе дела и следил теперь за полоской чистого неба над юго-западной дорогой. Оттуда должен был подать ракетой сигнал о своём прибытии старший лейтенант Воронихин, отправившийся со своими бойцами часом ранее, чем он. Небо всё больше и больше прояснялось, а сигнальная ракета не вспыхивала. Капитан начинал ощущать беспокойство.

«Если Воронихин по пути ввязался в драку, то он, пожалуй, не успеет ко времени, — думал Сергеев, расхаживая между кустами опушки, — нужно что-то предпринимать...»

И как это с капитаном всегда бывало, когда положение становилось трудным, дерзкая мысль пронеслась в его мозгу. Кликнув Беседина, он отправил его в первый взвод с приказанием немедленно выступить, двигаться вдоль опушки леса к юго-западной дороге и в случае надобности помочь Воронихину. План капитана был прост — оставшиеся взводы рубят лес и устраивают завал на шоссе. Завал во всяком случае остановит немцев, а сдержать и разбить их можно будет и небольшими силами.

Работа закипела дружно, хотя топоров оказалось мало. Стволы дубов и берёз валили поперёк дороги. Вскоре она стала уже не только непроезжей, но и непроходимой. Чтобы расчистить дорогу, нужно было бы потратить немало времени и усилий, так как огромные ветки и сучья срубленных деревьев переплелись между собой, образовав густую упругую сеть.

Капитан Сергеев, разгорячённый, покрасневшийся, сбросив шинель, стучал топором под корень высокой берёзы, когда прибежал боец из пулемётного взвода, расположенного на опушке, и сообщил о том, что на дороге появились немцы.

— Много их?—спросил капитан, вытаскивая топор, завязший в теле березы.—Как раз ко времени...

И едва он успел отдать приказание, люди, только что с азартом рубившие деревья и устраивавшие завал, расположились на заранее намеченных местах. Возбуждённые работой, они с нетерпением ожидали минуты, когда смогут пожать плоды своих трудов. В лесу воцарилась тишина.

Сергеев стоял, полузакрытый кустом, у подножья могучего дуба, на котором ещё красовались прошлогодние листья цвета яркой меди. Одна ветка находилась у самых глаз Сергеева, он смотрел сквозь красные листья на дорогу и отчётливо вспоминал резкие очертания нового костёла, крытого листовой красной медью, из окон которого летом сорок первого года его обстреляли немцы.

«А ведь до костёла втою рукой подать», — подумал капитан Сергеев, и тут же услышал шум приближавшихся машин.

Он вынул пистолет, дослал патрон в ствол и, держа пистолет в опущенной руке, затаил дыхание. Знакомое ощущение близости боя и связанной с этим опасности холодком пробежал по спине. Он почувствовал у себя за плечами шумное дыхание своего ординарца. Первый гру-

вовник показался из-за поворота дороги, в нём лежали какие-то мешки и ящики, на ящиках сидели немецкие солдаты, зажав между коленями винтовки. Сергеев поднял пистолет на уровень глаза и трижды нажал на спусковой крючок. Он не услышал своих выстрелов, они потонули в раскатистой дробі пулемётных очередей, в звонком треске ружейных залпов, в гулких взрывах гранат. Загорелись уткнувшиеся в завал машины, перепуганные немцы бежали в лес, прямо на пулемётный огонь.

Капитан увидел, как к его дубу устремилась группа обезумевших от страха немецких солдат. Он поднял руку, чтобы выстрелить, но тщетно — вся обойма уже была расстреляна. Беседин со своим автоматом подоспел во-время, немцы падали, взмахнув руками, как бы обнимая воздух. Переступив через них, ординарец побежал к дороге, где уже разоружали первых пленных.

...Двумя часами позже вернулся первый взвод, посланный Сергеевым на юго-западную дорогу. Взвод пришел туда ко времени — старший лейтенант Воронихин вёл бой с группой отступающих немцев. Взвод неожиданно ударил немцам в спину и решил исход схватки. Со взводом вернулся и сержант Лихолай. Он был сильно возбуждён, глаза его, несмотря на усталость, горели.

— Беседа! — крикнул он ещё издали, какими-то неестественными движениями плеч и туловища оправляя на себе шинель, покоробившуюся от грязи и воды. — Что ты тут волово-

дишься. Пошел бы та поглядел, сколько мы их там наложили... Машины горят, как свечи... Там одного провианту на три дивизии!

Командир роты стоял поодаль и смотрел на них. Беседин и Лихолай были оба очень молоды, но теперь они казались ему совсем мальчишками.

— Сержант Лихолай! — крикнул капитан Сергеев. — Возьмите двух автоматчиков, пойдете сопровождать пленных.

— Товарищ капитан, — взмолился Лихолай, сделав уморительную гримасу. — У меня автомат сам на немцев стреляет, меня посылать не можно... Та какого беса их провожать? Они теперь за милую душу сами на пункт идут и текать не собираются...

Но пленных всё-таки отправили под охраной — их повели легко раненые бойцы, а рота Сергеева после короткого отдыха ушла вперёд тем бодрым, лёгким шагом, который бывает у людей, уверенных в себе, в правоте своего дела, в победе. Весенний, полный солнца и птичьего гомона лес шумел по сторонам дороги. Ручьи журчали радостно и хлопотливо, а последние глыбы почерневшего снега, притаившиеся в тени кустов, на глазах таяли, обнажая бурую землю, покрытую прозябшими побегами нежно-зелёной травы... И вскоре капитан Сергеев увидел за холмом крытую красной листовой медью крышу костёла, из окон которого его обстреляли почти три года назад.

Здесь рота окопалась и залегла для нового боя...

Апрель, 1944 г.

ОГНИ НА КАРПАТАХ

Ночью в горах зарокотала трембита, берестяная гуцульская труба. Звук её слышен на многие километры, когда он, стократно повторённый и усиленный эхом, разносится по мрачным ущельям, над водами быстрых порожистых речек и в глухих дебрях непроходимых карпатских лесов.

Голос ночной трембиты был призывен и грозен. Звучал он то сумрачной печалью, точно плакал над умершими или погибшими в пропастях, то слышались в нём яростные всплески непокорённой радости, торжественные и светлые, сродни шуму пробуждающейся весны, раскатам первого грома и звонкому пению горных потоков.

По обе стороны седых Карпат был слышен голос её, над большими и малыми сёлами и над

одинокими хижинами, затерянными в горах, шумело призывное эхо...

— Трембита... Чуете?

— Славу Ису...

— Навеки хвала!

— То клич Великой Трембиты...

Старики опирались на резные палки с медными рукоятками в виде топорика, ветер развеивал длинные седые волосы, забираясь в расширенные пазухи рубаш. Молодые запахивали кептары¹ и подтягивали украшенные медью и серебром пояса, словно собираясь в дорогу. Женщины подымали детей на руках, как бы навстречу приближающемуся чуду. Все затаили дыхание. Сердца стучали громко и часто, точно вся их кровь рвалась навстречу звукам трембиты, разбудившей тревогу и надежду.

Горы возвышались вокруг, немые, сумрачные, покрытые шапками снегов и непроходимыми лесами. Они сливались с беззвёздным туманным небом, и во тьме не видны были их ушедшие в тучи вершины и вековые кряжи. Ожидание наполняло трепетом души. Вдруг вспыхнул огонь на одной отдалённой вершине, брызнул ярким пламенем и поднялся к тучам. Взметнулся с новой силой ветер, и тучи побежали по небу с невиданной быстротой. А трембита всё рокотала, и вой ветра не в силах был заглушить её, и бе-

---

¹ Кептарь — короткий полушубок без рукавов (у гуцулов).

шеные порывы его не могли потушить огонь, вспыхнувший на вершине.

— На Довбушевой скале горит!

Многие упали на колени, и в тишине, слушая голос трембиты, каждый, от мала до велика, вспоминал то, что веками передавалось от поколения к поколению, из рода в род — от деда к отцу, от отца к сыну, — все вспоминали древнюю легенду, в которой слиты завет и мечта — прошлое и будущее этих сумрачных и прекрасных гор.

В канун торжества непокорённой воли, когда в одну семью сольются сыны Украины, заговорит в гуцульских горах Великая Трембита и вспыхнет огонь на скале Довбуша, на той славной скале, где бессмертный Олекса в дни своей борьбы отдыхал от трудов и творил суд над врагами народа.

Польские паны и немецкие князья, венгерские магнаты и молдаванские купцы трепетали перед Довбушем. В честном открытом бою они не могли победить его. Тогда двенадцать зёрен пшеницы закатали они в яркий воск и этой колдовской пулей сразили витязя. Но, рассказывается в легенде, Олекса не умер, а ушел в скалу, чтобы перед расплатой проснуться и высечь огонь из камня своей секирой и осветить дорогу воинам, идущим на Карпаты с Востока.

Старый лесоруб Осип Вегерчук, один из тех, кто кострами на вершинах освещал дорогу всадникам Буденного в дни, когда первые порывы вольного ветра долетели к предгорьям Карпат,

первый нарушил неподвижную тишину этой ночи. Он нырнул в дверь хаты, словно в черную прорубь, и спустя минуту вышел, держа в руках свой топор.

— Не дожидайтесь, — молвил он смотревшим на него старикам и молодым, — воля не дожидает... Кто за мной? На вершины!

Трое его сыновей — широкоплечий седеющий Петро, статный с железной силой в руках Улас и нежный, застенчивый, как девушка, Юра — молча пошли за отцом, и многие другие двинулись за ними, потому что все ждали этой минуты.

Из всех карпатских сёл вышли лучшие ходоки и по неизведанным тропам, через лесные чащи и завалы бурелома, мимо медвежьих берлог и волчьих логовищ, вспугивая ночную птицу, стали взбираться на вершины.

Грохотали водопады, снежные лавины в темноте катились с гор, ветви диких кустарников рвали одежду, ветер, смешанный со снегом, обжигал лицо, а они не останавливались, шли, влекомые одною думой, одною заветной мечтой, и теперь уже ничто не могло их остановить, как ничто не может остановить смятённого полёта мартовского ветра, бурного падения горной воды и нарастающего грохота снежных обвалов.

То там, то здесь в темноте мелькали тени. А над тёмной чертою гор, над лесами и пропастями, над потоками и кряжами трепетал в небе беспокойный пламень костра. И затем снизу, из узких речных долин и дальних предгорий, можно было видеть, как от большого пламени отдели-

лись малые огоньки и, танцуя в горном сумраке, то пропадая в лесной чаще, то вновь возникая, поплыли в разные стороны, точно несли их невидимые руки по тайным тропам от одной вершины к другой.

И всюду, где останавливался на мгновение такой огонёк, вспыхивал пламень нового костра, и вот уже вся цепь непроходимых гор осветилась кострами — тьма как бы раздвинулась, отпрянула, а обожжённые тучи взмыли ввысь, как стаи больших тяжёлокрылых птиц, улетающих за пределы ночи.

А это было так: молодые красавцы-легини¹ и старые кряжистые горцы, полонинские верные пастухи и тяжёлорукие лесорубы, молчаливые рабочие лесопилок и спокойные плотогоны, дрогобычские нефтяники и бориславские добытчики горного воска, миновав немецкую стражу и полицейские патрули, вышли в горы, за одну ночь прошли долгий путь и сошлись у скалы Довбуша... Там они взяли огонь и разнесли его по хребту от вершины к вершине.

Слышно было, как стучат топоры. Хрустя ветвями, падала подрубленная под корень смолистая пихта, другая валилась на неё, третью подтаскивали крючьями и рассекали топорами. Сухой можжевельник вспыхивал, как порох, капли смолы вскипали на огне.

Люди стояли в тени гигантских костров, под

---

¹ Легинь — парубок, парень.

защитою гор и лесов. Немцы видели огни и сатанели от бешенства, но у них не было проводников, дорогу им преграждали взорванные мосты и искусные завалы.

Люди стояли в тени огромных костров, смотрели на восток и вели вольный разговор о том, как в долинах горят лесопилки и нефтяные вышки, вспоминали, сколько взорвано бензиновых цистерн и перегонных заводов, говорили о внуке Довбуша, славном Сидоре Ковпаке и его партизанах, об их стремительных рейдах и вдруг смолкали и вслушивались — не гремят ли на востоке пушки, не слышен ли лязг танков, не доносится ли топот конников, — и снова рубили деревья и валили в костер, чтобы не гаснул огонь, чтобы светла была дорога воинам, идущим с востока.

Старый лесоруб Осип Вегерчук сказал своим сыновьям, которые молча стояли у костра и, опершись на свои топоры, смотрели на огонь:

— Я при костре и один перебуду, не дам загаснуть, видит бог не дам. А вы складайте топоры — та ну в дорогу.

Старшие с полуслова поняли отца — и Петро и Улас сами уже были отцами, они привыкли приказывать и не отвыкли ещё повиноваться, — только младший из братьев — Юра — спросил:

— А где та дорога?

Отец тряхнул головой так, что седые космы его волос разлетелись в стороны, он сдвинул брови, сурово и гневно сверкнул глазами.

— Навстречу червонному войску тебя посылаю, чтобы самый короткий шлях указывал... Гей, разве не моего рода кость, что не понимаешь людского языка? Всё... Идите, хлопцы, пусть вам бог помогает!

И сел он у костра лицом к огню и не обернулся больше, не посмотрел, как разными дорогами ушли его сыновья.

Огонь поднимался к небу шатким столбом. К рассвету он стал бледнеть. А днём старик бросал в костёр сырые ветки и хвою, смешанную со снегом, — дымное дерево вставало над вершиной горы, словно курился кратер проснувшегося вулкана. Дневные дымы и ночные огни были видны на десятки верст. Бойцы, спешившие на запад, на миг останавливались в пути, чтобы взглянуть на манящее зарево, вздохнуть полной грудью и, прибавив шагу, снова пробиваться под железным ливнем по весенним взбухшим полям к тем огням, что вставали впереди.

А враг — подлый, дрожащий всей своей драгой шкурой немец, в смятении и страхе оборачиваясь, видел перед собой те же огни и чувствовал себя зверем, попавшим в облаву к опытным охотникам.

Снова наступила ночь. Снова цепь огней полыхнула в небе. В трёх разных точках широко раскинувшегося фронта на коротких привалах бодрствовали три наших офицера. Танкист вышел из душной хаты, ему не спалось, танки стояли на исходной позиции — утром предстояла атака.

Пехотинец разговаривал с часовым. Бойцы отдыхали после дневного перехода и вечерней стычки с противником. Конник выехал на опушку леса со своим ординарцем. Все они смотрели в одну сторону: туда, где над горизонтом вставали отблески дальних зарев. Почти в одно время, в час, когда ночная тьма сгущается перед рассветом, к трём командирам — танкисту, пехотинцу и коннику — привели трёх сыновей старого карпатского лесоруба Осипа Вегерчука.

— Кто зажег огни на Карпатах? — спросили командиры у гуцулов, когда узнали, кто они, откуда и зачем пришли.

— То мой батько, чтобы освещать вам путь, — ответил Юра, младший из сыновей Осипа Вегерчука.

— То Довбуш высек своего огня из скалы, — сказал Улас, средний сын лесоруба.

— Народ, что дожидает вас, — молвил старший сын Петро.

И всё это было правдой, как правдой была весенняя ночь, шалый ветер, мерцание звёзд в лужицах, таинственный шопот и вздохи просыпающейся земли.

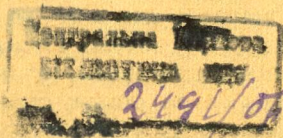
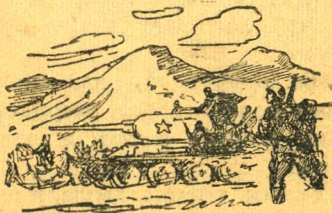
Светало. Сонным теплом дышали избы села, в котором стояли танкисты. Шумел оголёнными, взбухающими ветвями лес над головами конников, седлающих своих коней. Просыпались пехотинцы. Подходили к орудиям пушкари. Лётчики спешили к гудящим на старте самолётам. И вот наступило то мгновение утра, когда, поглядев на

небо, все подумали, точно один человек: пора! Фыркнули моторы танков, конники выехали из леса, пехота поднялась в рост с земли, ухнула первая пушка, самолёты запели в воздухе. Начался новый трудный день войны, новый день великого наступления.

Огни колыхались над дальнею цепью Карпатских гор, дороги к ним были известны, подкарпатское плато дрожало под тяжестью наших танков; испив воды из Днестра у Залешиков, пехотинцы входили в леса Буковины, на всех дорогах шёл лютый бой, и все звуки этого непрерывающегося боя сливались в один грозный торжествующий рокот — то пела в душах бойцов и ждущего народа Великая Трёмбита, возвещая день ликования и побед.

Март 1944 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Атака на Ворскле	1
На Днепре	9
Под старым городом	19
Засада	31
Огни на Карпатах	40

Редактор *Е. Р. Рамм*
Технический редактор *И. С. Берникова*
Корректор *Мусатова Е. А.*

Г800169. Подписано к печати 14.2.45. Изд. № 236. Объем 1½ п. л.
1,7 уч.-авт. л. В 1 п. л. 27 280 тип. зн. Зак. 1006.

1-я типография Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко